

ДОКЛАД ЗАВЕДУЮЩЕГО КАФЕДРОЙ ИСТОРИИ СТРАН ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ВОСТОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА СПбГУ, ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА **В. Н. КОЛОТОВА**

НА ТЕМУ:

**«СОЗДАНИЕ ЭТНО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ С ЦЕЛЬЮ ПРОВЕДЕНИЯ УПРАВЛЯЕМОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ»**



Настоящий доклад посвящён проблеме создания этно-конфессиональных противоречий с целью проведения управляемой региональной дестабилизации, которая будет проиллюстрирована на некоторых сюжетах из истории Вьетнама, в том числе и в контексте научных разработок А. М. Зимичева. Здесь можно задать

вопрос, а какая собственно польза от сравнительных исследований стран Востока и Запада, что нам может дать история Вьетнама для понимания исторических процессов на Западе? Проблема в том, что куклы могут быть разными, но кукловоды одни те же, и они используют одни и те же технологии для дестабилизации разных стран, поэтому часто получается так, что классического вторжения иностранных войск нет, а страны как бы сами по себе вдруг складываются изнутри. Разваливаются казавшиеся прочными режимы, и к власти приводятся марионеточные «правительства», которые в интересах внешних сил начинают проводить так называемые «реформы». К сожалению, подобного рода примеров мы видим много и на постсоветском пространстве, и в Восточной Европе, и в Северной Африке, и на Ближнем Востоке, в том числе и в Юго-Восточной Азии. Во многих регионах Евразии сейчас разворачиваются трагические события, которые необходимо аналитически препарировать и обобщать.

Вот ставшая уже классической оригинальная схема А. М. Зимичева «мы/не мы», о которой говорил в своём докладе профессор А. Л. Вассоевич.

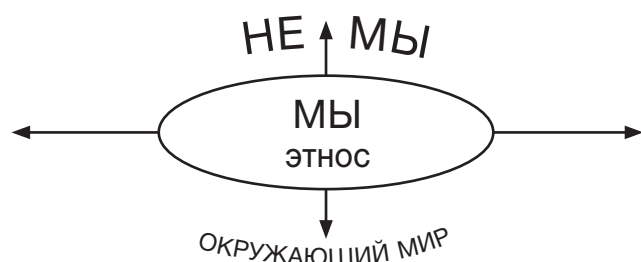


Рис. 1. Источник: Зимичев А. М. Психология политической борьбы. СПб., 1993. С. 55

При взгляде на данную схему вспоминается история политической борьбы во Вьетнаме, где ещё в начале XVII века европейские миссионеры в своей практической деятельности в феодальном Вьетнаме пользовались похожим подходом: они приступили к созданию нового этноса по религиозному признаку внутри уже существующего этноса. Позднее похожий подход использовался и французскими колонизаторами в целях раскола освободительного движения, тогда как лидер национально-освободительного движения Хо Ши Мин, наоборот, призывал народ к сплочению для восстановления государственности во время борьбы против французского колониального режима.

Если к схеме А. М. Зимичева «мы/не мы» применить трёхмерный подход, и посмотреть на неё как бы сбоку, то необходимо использовать другую схему того же автора, на которой более чётко видна структура этноса.

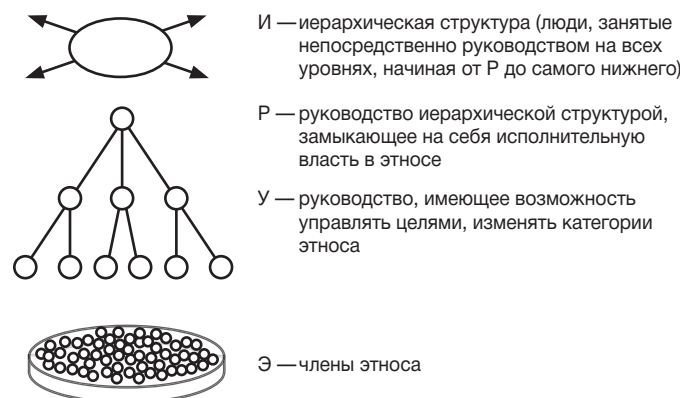


Рис. 2. Источник: Зимичев А. М. Психология политической борьбы. СПб., 1993. С. 136

Данная схема была опубликована в монографии А. М. Зимичева «Психология политической борьбы» в 1993 году. Подобный подход применялся во Вьетнаме католическими миссионерами, французскими колонизаторами и американскими империалистами, которые, «пуская корни» на новой почве, активно занимались продвижением во власти и культуре преимущественно чуждых основной массе населения и ориентировавшихся на них католиков. Кстати, даже после выдавливания Франции из Южного Вьетнама в 1954–55 годах, несмотря на пропаганду и публичные обещания демократических преобразований, все руководители проамериканских южновьетнамских марионеточных режимов были католиками, что в преимущественно буддийской стране ослабляло режим.

А. М. Зимичев полагал, что объединение по любому произвольно взятому признаку при определённых условиях может привести как к образованию нового этноса, так и к разрушению уже существующего.

Получается, что этносом может быть объединение людей по любому признаку, даже самому незначительному, если в результате этого происходит разделение на «Мы!» и «НЕ Мы!». Не абсурдно ли это? Ведь так можно взять любую мелочь и объявить, что она является основанием какого-то этноса. Можно ли, например, всерьёз говорить о том, что существует этнос «Мы—в черных майках»?



Рис. 3. Источник: Зимичев А. М. Психология политической борьбы. СПб., 1993. С. 56

Попытка разрушения этноса	Попытка создания этноса
<p>Существует этнос «Мы — в черных майках». Если хотят его разрушить, то прежде всего прекращают внешнее противодействие, предлагают «черным» сотрудничать с другими. Предлагают попробовать поносить не только черную, а, например, зеленую майку. Часть людей соглашается и на собственном опыте убеждается, что это ничуть не хуже, а может быть, даже удобнее и т. д.</p> <p>Постепенно к этому приходят и остальные члены этноса (если только они не видели за этим внешним признаком его внутреннего содержания; это существует далеко не в каждом этносе). В результате, категория Истины уничтожена, заодно с ней — категория Красоты, потом доходит очередь до Добра и Изобилия. После этого этнос фактически не существует и бывших «черных» можно спокойно перебить поодиночке (обычно этого не делают, т. к. воюют не против людей, а против задач этноса).</p>	<p>Часть людей носит черные майки. Начинает пропагандироваться идея об их исключительности, или о том, что это по какой-то причине лучше (в данном случае это и есть идея, дающая жизнь этносу, т. е. категория Истины). Если «черных» среди всех остальных — меньшинство, то они будут испытывать противодействие окружающих (т. к. такая идея вызовет протест у всех, кто носит майки другого цвета). Чем сильнее будет конфликт, тем прочнее они сплотятся вокруг этой идеи. Появится категория Красоты, включающая черную майку в качестве униформы, Добра (нормы взаимоотношений между «черными»), Изобилия (их права и обязанности). На этапе формирования этих четырех категорий этнос «черных» можно сориентировать на любую задачу.</p>

Рис. 4. Источник: Зимичев А. М. Психология политической борьбы. СПб., 1993. С. 64

Согласно взглядам А. М. Зимичева, речь шла о том, что использование той или иной униформы может служить катализатором формирования различного рода противоречий, которые могут быть использованы в политической борьбе. И вот через 13 лет после выхода этой книги в России в Королевстве Таиланд начались столкновения «краснорубашечников» и «желторубашечников». Конечно, А. М. Зимичев в своём примере говорил о людях в чёрных и в белых майках, но в данном случае цветом рубашек можно пренебречь, поскольку важен сам принцип. Как мы помним из истории, в уличных столкновениях в Таиланде фактически принимали участие люди, одетые в красные и жёлтые рубашки/майки. И, конечно же, в этих событиях самое активное участие принимали люди в зелёной военной форме. Так выдвинутая российским политологом идея активно используется в политической борьбе за власть в разных регионах мира.

В 1946 году, когда Вьетнам готовился вступить в Первую войну сопротивления (1946–1954) против французских колонизаторов, Хо Ши Мин под псевдонимом написал цикл статей, который был озаглавлен «Искусство войны Сунь-цзы»<sup>6</sup>. Таким образом он

перевёл и модернизировал известный трактат китайского генерала и стратега для того, чтобы в середине XX века подготовить вооружённые силы Вьетнама на теоретико-методологической основе VI века до нашей эры. Напомним, что Вьетнам в этой войне победил. В этом тексте отдельно выделены слова Сунь-цзы, которые Хо Ши Мин цитирует и подробно объясняет. Вот эта китайская формула: «知己知彼»<sup>7</sup> — «познай себя — познай другого». А это одно из самых базовых определений идентичности, которые существуют, и именно подобная схема «я /он» или «мы/они» была применена и А. М. Зимичевым в формате: «Мы/не мы». Для того чтобы понять, кто есть «мы», мы должны понимать, кто есть «не мы», а для этого надо познать и нас, и их. Это одна из основных формул понимания общности и различий между нами и ими, и далее направление анализа общего и особенного строится именно на этой основе.

В своё время известный американский исследователь Самуэль Хантингтон — кстати, в том же 1993 году — написал свою всемирно известную статью «Столкновение цивилизаций?»<sup>8</sup>, которая потом, через три года, превратилась в книгу с похожим названием «Столкновение цивилизаций»<sup>9</sup>. Статья заканчивалась вопросительным знаком, а книга была издана уже без него.

Может быть, следующий вывод кому-то покажется крамольным, но Самуэль Хантингтон, по сути, с точки зрения определения этноса и идентичности, был сталинистом, о чём говорил профессор А. Л. Вассоевич. Хантингтон утверждал, что идентичность не может быть изменена. Именно так можно перевести его знаменитую цитату: «То, что дано, не подлежит изменению». В оригинале: «that is given cannot be changed»<sup>10</sup>, в то время как этносы, нации и религии погибают и рождаются постоянно. Более того, один из самых существенных параметров идентичности — религиозная идентичность. Самуэль Хантингтон блестяще показал, что она является более высокой идентичностью, чем этническая. Он привёл следующий пример. «Религия разделяет людей ещё более резко, чем этническая принадлежность. Человек может быть полуфранцузом и полуарабом, и даже гражданином двух стран. Куда сложнее быть полукатоликом и полумусульманином»<sup>11</sup>. Однако те подходы, которые были сформулированы Хантингтоном, в частности, о неизменности религиозной идентичности, конечно же, подвергаются обоснованной критике.

7 Sun Tzu. The Art of War. URL: <https://ctext.org/art-of-war>.  
 8 Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993, Summer. P. 27.  
 9 Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996.  
 10 Ibid. P. 27.  
 11 Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993, Summer. P. 27.

6 Hồ Chí Minh. Bình Pháp Tôn Tử // Toàn tập. Т. 4. Hà Nội: Nhà Xuất Bản Chính Trị Quốc Gia — Sự Thật, 2011. Tr. 358.

Для примера можно вспомнить эпоху колонизации Вьетнама. Если вооружённые силы Франции прибыли во Вьетнам и начали вооруженный захват в 1858 году, то духовное завоевание Вьетнама началось ещё в XVI веке, когда в страну прибыли первые европейские миссионеры, которые сразу же занялись изменением религиозной идентичности местного населения. И разница между теми вьетнамцами, которые стали католиками, и теми, которые остались буддистами, заключалась даже не в майках, поскольку это всего лишь внешнее проявление внутренних изменений, а во внедрённых в их сознание установках, от которых зависело, под чьим духовным управлением они находились. И когда в страну прибывал миссионер, он начинал, изменяя религиозную идентичность части населения, создавать не столько новый этнос, сколько основанное на новом этносе государство в государстве. Так появлялась новая структура, вокруг европейского миссионера группировались обращённые им восточные люди, которые противопоставлялись остальному этносу, и система организации гонений на них, кстати, была неотъемлемой частью формирования стабильных религиозных сообществ, поскольку до тех пор, пока не было гонений, миссионеров выслали, и религиозные сообщества распались; потом приезжал новый миссионер, опять обращал язычников, его опять выслали, а сообщества вновь распались. Для того, чтобы вырваться из этого «порочного круга», миссионеры приступили к провоцированию гонений, и тогда местные католики-вьетнамцы становились «чужими среди своих и своими среди чужих». На этой основе формировался новый этнос, и развивалось государство в государстве. И поэтому не стоит удивляться вопросу: «А каким образом французский экспедиционный корпус численностью в 3500 человек осмелился в середине XIX века напасть на десятиллионный Вьетнам?» Дело в том, что к началу агрессии во Вьетнаме было уже почти 600 тысяч местных католиков, которые в этом конфликте, окрашенном в религиозные тона, воевали плечом к плечу с французами против вьетнамской королевской армии. Этот пример наглядно показывает, что религиозная идентичность изменяется в результате целенаправленной деятельности, в результате применения определённых психотехнологий, которые позволяют эти изменения проводить, и, разумеется, есть технологии, которые позволяют как бы «откатывать» эти изменения обратно. Таким образом, технологии изменения религиозной идентичности тесно связаны с национальной безопасностью и геополитикой.

Кстати, здесь вполне уместна цитата А. М. Зимичева: «Чем сильнее по отношению к ним будет внешняя агрессия, тем сильнее они сплотятся»<sup>12</sup>. То есть

практически через 400 лет после того, как «гонения» были организованы католическими миссионерами во Вьетнаме, известный российский политолог также обратил внимание на один из фундаментальных принципов работы этой технологии, который активно используется и в наши дни на других театрах политической и военной борьбы.

Теперь необходимо сказать несколько слов о безопасности как продукте деятельности власти. На схеме слово «безопасность» написано на китайском языке (安全). Это два иероглифа: каждый состоит из двух графем, в первом случае — женщина под крышей, во втором — яшма/ценность под крышей. То есть безопасность, с точки зрения классического китайского восприятия, — это сохранность людских и материальных ресурсов.

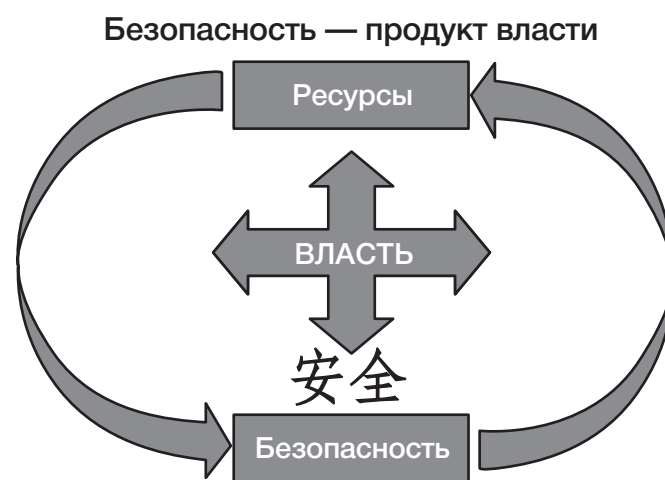


Рис. 5. Схема: Безопасность как управление человеческими и материальными ресурсами

Исходя из этой схемы, можно сделать вывод о том, что власть в ходе своей деятельности использует людские и материальные ресурсы, чтобы производить безопасность и обеспечивать воспроизводство. Нормальная власть должна работать подобным образом. Причём безопасность в данном случае понимается и в традиционном, и в нетрадиционном смысле, в том числе безопасность как сохранение идентичности тех, кто находится внутри круговорота ресурсов. Миссионеры встраивались в традиционную систему воспроизводства власти и использовали местные ресурсы для того, чтобы производить свою безопасность, а затем выбивали местные власти из этого круговорота людских и материальных ресурсов, заняв их место, и реализовывали свой проект на чужих ресурсах. Им позднее, конечно, помогали колонизаторы, оказывая мощную силовую поддержку. В случае изменения идентичности человеческих ресурсов вернуться в исходное состояние было невозможно, поскольку, захватив власть, миссионеры и колонизаторы обычно приступали к более жёсткому силовому обращению в католицизм

12 Зимичев А. М. Психология политической борьбы. СПб., 1993. С. 57.



местного населения, что стало важным фактором политической борьбы. Позднее силам национально-освободительного движения под руководством Хо Ши Мина, который использовал советские политехнологии, удалось выбить французов обратно из этого круга и восстановить подлинно суверенный Вьетнам в своих границах, но уже на другой идеологической основе.

В настоящее время в различных регионах мира мы видим подобные сюжеты, однако уже с использованием иных религиозных наполнителей, которые применяются в зависимости от конкретной страны.

«Конкретный наполнитель (буддизм, спиритизм, католицизм, ислам и пр.) технологического ноу-хау может меняться в зависимости от среды, в которой предполагается насадить новые религии. Он выполняет двоякую функцию. Во-первых, он нужен для маскировки и вживления искусственного образования в традиционную среду, для более качественного его камуфлирования, что позволяет представлять эти структуры в качестве модификаций традиционных религий. Во-вторых, наполнитель переключает внимание исследователя с изучения реальных причин появления религиозных сект на не имеющие отношения к существу проблемы сюжеты и уводит в дебри религиозной и псевдорелигиозной теологии. Все эти меры позволяют скрывать истинную роль и цели существования религиозных сект в качестве основных структурных элементов системы управления конфликтом.

При этом сами по себе традиционные религии: буддизм, католицизм и прочие — не имеют к используемому наполнителю никакого отношения. Элементы доктрин традиционных религий, встречающиеся в писаниях новых религий, не свидетельствуют о наличии «генетических связей» между ними. Так что же следует изучать: технологии, в соответствии с которыми эти религии создаются, или наполнители, которые скрывают реальную систему управления?»<sup>13</sup>

В этой связи хотелось бы обратить внимание на технологии организации управляемой региональной дестабилизации. Этот процесс начинается с прибытия подготовленных миссионеров (как традиционной, так и нетрадиционной конфессии или так называемых сект, у которых, в отличие от традиционных религий, нет вообще никаких ограничений морального плана). Далее миссионеры создают стабильные религиозные сообщества (во Вьетнаме важную роль сыграли катехисты, которые читали катехизис в период отсутствия европейских миссионеров) и готовят мучеников, ликвидация которых обеспечивает необратимость изменения религиозной идентично-

сти. Введение неофитов в состояние кризиса идентичности, чем занимались миссионеры, позволяло создавать очень компактные, но очень хорошо организованные, политически активные и управляемые религиозные сообщества, которые использовались в геополитических целях. Далее шла организация гонений для обеспечения необратимости изменения религиозной идентичности, и в регионе или в стране происходила дестабилизация внутривнутриполитической ситуации. А затем на подготовленной почве началась уже открытая колонизация. В настоящее время этот процесс называется более политкорректно: гуманитарная интервенция. Подобные процессы в наши дни можно наблюдать в разных регионах мира; это та же самая технология времён колонизации, которая была модернизирована. Местные конвертиты как тогда, так и сейчас используются в качестве пушечного мяса, что для наших западных партнёров очень эффективно. Кстати, в настоящее время основной особенностью гибридных войн являются так называемые прокси-войны, когда геополитические партнёры предпочитают воевать чужими руками, то есть руками обращённых в иную веру представителей местного населения, поскольку к таким потерям кукловоды совершенно не чувствительны. Им неважно, сколько они потеряют тысяч или миллионов, условно говоря, игиловцев или бендеровцев. Это местное пушечное мясо, которое заменяет западные силы в региональных конфликтах разной степени интенсивности. Их задача — перенос нестабильности из одного региона в другой. И этот нюанс нужно очень хорошо понимать при разработке контрстратегий ведения гибридных войн, причём впервые эта схема на высоком профессиональном уровне была применена во Вьетнаме. Она использовалась и в XVII веке, а к середине века XVIII уже была вполне рабочей и активно применялась в процессе колониального захвата Вьетнама очень компактными силами. Большая часть процессов управляемой региональной дестабилизации разворачивается в наши дни в Евразии, где именно на этой основе выстроена система дуг нестабильности.

Данная технология — от высадки первого миссионера до смены режима в целом — работает следующим образом. В результате информационно-психологического воздействия происходит изменение религиозной идентичности, далее идёт провоцирование конфликтов с властями, организовываются гонения, что приводит к созданию религиозных сообществ. Далее происходит ликвидация «духовных лидеров» (имеется в виду, конечно же, местных, неевропейских), появляются институты местных полевых командиров, которые в борьбе с властями за ресурсы дестабилизируют регион. Далее происходит управляемая региональная дестабилизация. От первых католических поселений во Вьетнаме до современного

13 Колотов В.Н. Классические религиозно-ведческие методики и изучение новых религий: опыт политологического анализа на примере Вьетнама // Религиоведение № 4. 2005

ИГ<sup>14</sup> или ДАИШ мы видим именно эту технологию, но с разным религиозным наполнителем. Далее происходит гуманитарная интервенция и установление марионеточного режима, который в случае организованного сильного сопротивления опять опирается на полевых командиров, и происходит управляемая региональная дестабилизация. В наши дни аналогичная схема работает во многих частях Евразии, и в данном случае неопиты являются послушным инструментом в чужих руках, пушечным мясом в чужих геополитических проектах. Причём манипулирование ими идёт на уровне эмоций, что позволяет скрывать от непосредственных участников логику процесса.

Обобщая известные данные об организации управляемой региональной дестабилизации (УРД) на религиозной основе, можно предложить следующую технологию реализации данного процесса.

### Технология организации УРД

1. Изменение религиозной идентичности (ИРИ) (язык, культура, катехизис).
2. Создание стабильных религиозных сообществ (РС) (катехисты, мученики, кризис идентичности).
3. Организация «гонений» с целью обеспечения необратимости ИРИ, ликвидация местных «духовных лидеров» и подготовка полевых командиров, что приводит к дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в стране-жертве.
4. Гуманитарная интервенция (колонизация), в ходе которой местные неопиты/конвертиты используются в качестве пушечного мяса для реализации чужого геополитического проекта на заранее подготовленной территории.

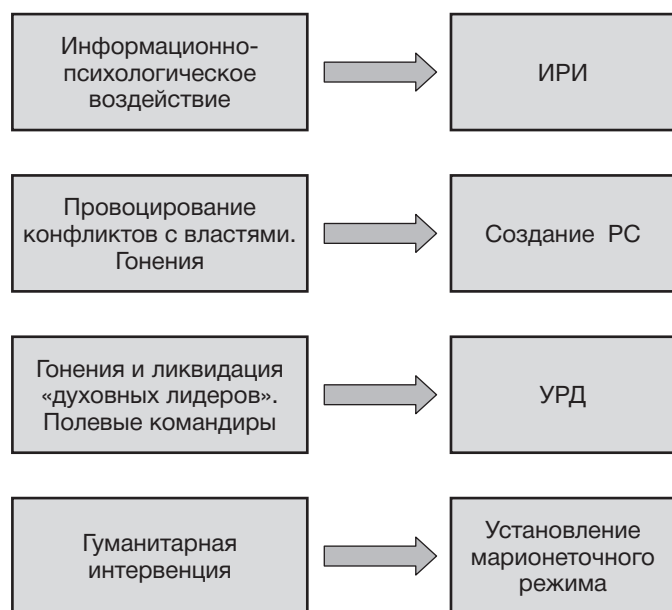


Рис. 6. Схема: Этапы проведения управляемой региональной дестабилизации

На данной схеме показана технология УРД. Эта технология может использоваться для создания или, наоборот, дезинтеграции этно-конфессиональных образований, которые при благоприятных условиях могут развиваться, либо, наоборот, распасться. На постсоветском пространстве в изобилии происходят подобные процессы, однако достойного противодействия со стороны государственных органов, к сожалению, пока не видно. Данный феномен необходимо изучать для того, чтобы разрабатывать эффективные стратегии противостояния. Подготовленные по одной и той же схеме деструктивные процессы реализуются то в одном, то в другом регионе.

Отдельного внимания заслуживает проблема латинизации письменности. В этом году исполняется ровно 100 лет с тех пор, как французские колонизаторы отменили во Вьетнаме исторически сложившуюся иероглифику и ввели во всеобщее употребление разработанную миссионерами латинизированную письменность. Это было сделано вскоре после Синхайской революции 1911 года в Китае, когда во Вьетнам на китайском языке стала проникать подрывная с точки зрения колониального режима литература. В то время иероглифический текст на китайском понимал любой образованный вьетнамец. Реформа письменности позволила вырвать Вьетнам из конфуцианского культурного ареала, частью которого он всегда был. Это старая колониальная политика. Именно эту политику мы видим и в Восточной Европе, и на постсоветском пространстве. Сейчас к ней уже подключены Сербия, Украина, Казахстан и далее по списку. Ничего нового в этом нет. И очень жаль, что на постсоветском пространстве нет адекватного понимания направленности этих дезинтеграционных процессов. Такая переориентация, как правило, выходит боком, и об этом писал, кстати, Самуэль Хантингтон в своей монографии, в которой ввёл понятие «расколотых» и «разорванных» стран<sup>15</sup>. Религиозный фактор очень грамотно используется для того, чтобы эти страны ослаблять и в ослабленном виде использовать их в качестве инструмента воздействия в отношении более широких геополитических пространств. Поэтому миссионеры в Азии проводили изменение религиозной идентичности: страну-жертву превращали сначала, по определению Хантингтона, в «расколотую», а затем и в «разорванную», чтобы её не только ослабить, но и «расколоть», а затем и «разорвать». Распространение католицизма рассматривалось как необходимая мера для обеспечения стабильности и долговечности установленного колониального режима, но они не смогли полностью обратить Вьетнам в католицизм, однако корни пустили там глубокие, и теперь без боли эту проблему не решить.

14 Данная террористическая организация запрещена в РФ.

15 Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996. P. 138.

Поэтому в заключение хотелось бы подчеркнуть, что только изучение технологий управляемой региональной дестабилизации позволяет разработать контртехнологии по их нейтрализации. Логически другого пути нет, без знания законов политической психологии, в соответствии с которыми идёт формирование как новых этносов, так и религиозных сообществ, победить в современной гибридной войне, где такие сообщества играют роль безмозглой пехоты, невозможно, но у нас есть все силы и ресурсы для того, чтобы добиться победы. И научное наследие А. М. Зимичева будет надёжной опорой в научной работе и в нашей борьбе.

Доклад главного советника департамента по вопросам внутренней политики аппарата полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе

**В. Б. УГРЮМОВА** на тему:  
«Флаг как яблоко раздора»



9 мая 2017 года в ходе шествия «Бессмертного полка» в Санкт-Петербурге под аркой Главного штаба встретились армянская и азербайджанская роты. И всё могло бы закончиться благополучно, если бы в руках молодых армян не оказался флаг непризнанной Нагорно-Карабахской Республики. В результате несколько человек получили травмы.

Возникает вопрос: а какое отношение Нагорно-Карабахская автономная область, у которой в годы войны не было ни своего флага, ни других признаков суверенного государства, имеет к празднованию Дня Победы в Великой Отечественной войне? И мы сразу понимаем, что эти молодые люди пришли на шествие не вспоминать своих героических предков, защищавших общую Советскую Родину, — они пришли с иными намерениями.

Сейчас, в эти дни, в одном из наших северных городов муниципальная администрация в ходе обсуждения с национально-культурными автономиями организации «Бессмертного полка» этого года мягко всех попросила: дорогие друзья, давайте мы пойдём на шествие с портретами наших героических дедов, отцов и обойдёмся без национальных флагов тех государств, к которым вы себя относите по этнической принадлежности. Без азербайджанского, армянского, молдавского, казахского флагов. По одной простой причине: наши предки воевали под одним флагом — советским.

Согласились всё, кроме грузинской общины. Именно ей было нужно обязательно пройти по улицам этого северного города под флагом государства, армия которого была позорно бита десять лет назад российской армией.

О чём говорят эти примеры? О том, что флаг является важнейшим символическим воплощением этнического начала. Более того, этот символ сам стал одним из инструментов формирования новых этносов и этнических общностей. Потому что те же аквилы и сигнумы римских легионов имели исключительно военно-организационное значение. Да, они обретали сакральный смысл, но только для легионеров, которые под ними ходили, поскольку под этими знаками было пролито много легионерской крови. Но значки и штандарты римских легионов не были государственными флагами Римской империи. Условно у Римской империи был только герб в виде знакомого всем изображения орла.

Средневековые флаги в подавляющем большинстве случаев — это знаки суверенитета правителей, как сюзеренов, так и вассалов. Это не флаги государств. Это штандарты, принадлежавшие владельцам и суверенам территорий, но не символы самих этих территорий. И феодальные армии, собиравшиеся из вассальных войск, шли в бой под разными флагами во главе с флагом короля или императора.

Государственные же флаги в привычном для нас смысле появились примерно к XVII веку с созданием уже национальных государств, преодолевших так называемую феодальную раздробленность. На долгий период понятия «государственный флаг» и «национальный флаг» стали синонимами. При этом во многих государствах флаги бывших самостоятельных образований плавно перетекли в символы регионов.

В конце XIX — начале XX веков свои символы в виде флагов стали появляться у политических движений и партий. Даже принципиальные противники государства анархисты избрали своим символом чёрное полотнище.

Во второй же половине XX столетия появилась новая тенденция, которую мы смело можно назвать иллюстрацией к теории Анатолия Михайловича Зимичева. Наряду с флагами государств и армий своими символами стали обзаводиться сначала корпорации, а затем неформализованные экстерриториальные движения, социальные группы и отдельные этнические общности, то есть неинституциональные образования.

Например, в 1971 году на Всемирном конгрессе в Лондоне свой флаг утвердили цыгане. Казалось, уж кто как не цыгане настроены более чем агосударственно, то есть против всяких признаков государства, даже анархистам не снилась такая степень отрицания, и, тем не менее, цыгане создали свой флаг и даже написали гимн. Тем самым, невзирая